

— первая среди лучших —

РАЗГОВОРЫ о ЖИЗНИ,
ЛЮБВИ и САМОМ ВАЖНОМ

ТАТЬЯНА
УСТИНОВА

Свиданье
с **БОГОМ**
у огня

Москва
2019

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Оформление *С. Груздева*

Под редакцией *О. Рубис*

Издательство благодарит телеканал ТВЦ
за предоставленное фото на обложку

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Свиданье с Богом у огня. Разговоры о жизни, любви и самом важном : [сборник рассказов] / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших).

ISBN 978-5-04-100323-4

Татьяна Устинова — известный писатель, телеведущая и интереснейший собеседник. Разговоры о жизни, любви и самом важном — сборник размышлений автора о тех самых простых и сложных вещах, составляющих нашу жизнь. Любовь, отношения в семье, дети, друзья, интересные незабываемые встречи — вот те темы-киты, которые интересны каждому из нас. А нетривиальный взгляд писателя делает самые простые и обыденные моменты и события пронзительными и значимыми! Истории, рассказанные Татьяной Устиновой, словно мозаичное панно складываются в напитанную любовью, полную переживаний и сильных эмоций картину жизни!

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Устинова Т. В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100323-4

СОДЕРЖАНИЕ

Тяжелая ноша	9
Я улетала, а он оставался	16
Я поспорила с приятелем	20
Мой муж объявил, что собирается... в поход	23
Моя драгоценная макака	27
Свиданье с Богом у огня	30
Поезд дальше не идет...	37
Мой муж не похож на Тома Круза, но...	40
Дверь в лето	44
О странностях любви	47
Лучший комплимент от мужчины	50
Казнить нельзя помиловать	54
Дурацкие мечты	58
На пороге	62
Развод и девичья фамилия	66
Объект поклонения	70
А вы не были на Колыме?	74
Почувствовала себя стукачом	78
Волшебный пес	82
На грани кипения!	88
Наш ангел	92
Моя бабушка говаривала...	101

Куртка из проклятий	105
Хорошо забытое старое	109
Суета сует	116
Оранжевый медведь	123
Ну ее — эту красоту!..	127
Ты не искал бы меня, если б уже не нашел	131
Лето красное	138
О, спорт!..	145
Женщина трудной судьбы	149
Поэт и художник	156
Император и Юта	163
Все мы немножко буддисты	170
Боевой раскрас	176
Памяти Владимира Чернова	183
О карманных слонах	189
Сеть	195
Ну началось!..	202
Системный подход	206
Любить по-русски	213
Спасти мир	220
Кризис среднего возраста	227
О футболе, мамонтах и Великой французской революции	231
Грезы и розовые панталоны	238
Уж замуж невтерпех	244
Романтика дальних странствий	247
Пустые хлопоты	254
Про уродов и людей	260
Счастливый день	267
Нечаянная радость	274
Что делать?..	280

Лучше не бывает	287
Святочный рассказ	294
Большой праздник 12 апреля	300
Камушки на воде	303
Мы очень стараемся — каждый на своем месте	306
Слоновый песок	309
Однажды двадцать лет спустя	312
Игра в дурака	315
Аполлон и музы	318
Все ничего	321
Если выпало в империи родиться	324
Маленькая собака	327
Вишенка на торте	330
Синий платочек	333
Божье место	336
Кругом враги	339
Новые золушки	342

ТЯЖЕЛАЯ НОША

...У меня творческая встреча, я трушу ужасно и приговариваю про себя всякие глупости вроде того, что «трус, мол, не играет в хоккей» и «волков бояться — в лес не ходить», но ничего не помогает, я только сильнее боюсь и начинаю злиться на себя. При чем тут волки-то?! И хоккей тоже ни при чем, может, трус в него и не играет, но я-то тоже не играю! И — да, я трус! Я боюсь, что не смогу связно говорить, что не отвечу ни на один вопрос, забуду все, что хотела сказать, перепутаю Серафимовича с Катаевым: первый написал «Железный поток», второй — «Время, вперед!», а не наоборот, не сумею правильно процитировать Борхеса, хорошо определившего, что такое на самом деле детектив. И еще вот: я навернусь на каблуках, надетых «красоты ради», уроню очки и стану ползать по сцене и шарить — без них я ничего не вижу, совсем, никак, — а люди будут сидеть в зале и смотреть, как я ползаю!..

Это очень страшно.

Встреча начинается, и я говорю, не слыша себя, и мне хочется убежать и спрятаться, но я говорю, и постепенно начинаю себя слышать, и мне начинает казаться, что люди тоже слушают и сочувствуют, и, кажется, вот сейчас я удачно пошутила — смеются, а сейчас стало по-настоящему интересно, потому что все молчат, никто

не шушукается, не кашляет, не разговаривает по телефону громовым шепотом.

У тебя такая работа, говорит моя мама, когда я жалуюсь, что мне страшно, и в этот раз я точно провалюсь, вот увидишь!.. Ты общаешься с людьми — это и есть твоя работа. Когда ты дописываешь роман, и его печатают, а потом развозят по книжным магазинам, ты начинаешь общаться, не напрямую, конечно, но все, что ты думаешь, чувствуешь и понимаешь или чего не понимаешь, становится им ясно из книги. Это большое счастье, что люди хотят общаться дальше и приходят на встречи с тобой, а ты трясешься и думаешь о какой-то недостойной ерунде.

Недостойная ерунда — это как раз про каблочки и очки. Ну, в том смысле, что какая разница, как именно я выгляжу! Самое главное — красота внутренняя, так сказать, осмысленная, выработанная.

И еще честность.

Между прочим, так было всегда.

Обе бабушки считали, что думать о нарядах — глупость и пошлость, и, когда я старалась украсить, например, красным шарфиком, был у меня такой, косились неодобрительно. Брось ты этот шарфик, ей-богу! Главное, что внутри!.. Главное, сколько книг прочитано, сколько работы сделано, и как сделано — тоже важно. Главное, довольны ли в школе или институте, выполняешь ли ты свои обязанности. Очень немногочисленные, подчеркивали бабушки, совсем немногочисленные!.. В наше время, продолжали бабушки, девочка в твоём возрасте должна была... И пошло-поехало!.. И поехало, и пошло!

Одна бабушка «в моем возрасте», каким бы этот возраст ни был, помогала своей маме, то есть прабабушке, по хозяйству, сидела с братьями и се-

страми, а их было много, носила своему папе, то есть прадедущке, обед на станцию, а это километров шесть, а он был машинист паровоза и никак не мог отлучиться с работы. И вот в любую погоду, в снег или в дождь, в жару или в грозу, бабушка собирала узелочки и шла на станцию, строго наказав сестрам и братьям ждать и не баловаться. Я отлично представляю себе — или мне кажется, что представляю, — трехконный домик, узкие неровные стекла, а за ними плывущие встревоженные детские лица. Их заперли, оставили одних, велели сидеть тихо и дожидаться, и «чтоб ни-ни!», а придут не скоро, и они знают, что не скоро, и нужно как-то продержаться, а темнеет рано, электричества или керосина, конечно, нет и в помине, и очень страшно сидеть в темноте, и хочется есть и перестать бояться, и чтоб уж скорей взрослые пришли. Но нет, придут не скоро, и неизвестно, принесут ли поесть, нет ли...

Другая бабушка «в моем возрасте» прекрасно шила, и это ее шитье не раз выручало семью, спасало от голода в прямом смысле слова. Еще она стояла в очередях, многочасовых, многокилометровых — за керосином, за хлебом. А однажды, это она уже взрослая была, ей удалось добыть кусок стекла. Разбитое окно — серьезное бедствие!.. Мальчишки с улицы камнем или мячом попадут или ветку какую-нибудь ветром принесет ненароком, и нет стекла, а где его взять? Взять негде. В жилконторе все лимиты выбраны на двадцать лет вперед. Спекулянтам нужно отдать двадцать пять рублей — деньги в тридцатые годы не просто бешеные, а несуществующие как будто. Ну, наверное, как в нашей системе координат миллион. Или два. Множество окон, рассказывала бабушка, много лет стояли без стекол, хорошо если удавалось забить фанеркой, но, как правило, за-

тыкали чем-нибудь, тряпками, ветошью. Холодно зимой без окна. И вот бабушку и еще каких-то активистов послали что-то там такое разбирать на чердаках. И она нашла в углу кусок стекла, огромный. Умная бабушка не побежала его сдавать, а припрятала, и ночью они с прабабушкой пришли и вытащили стекло, как воровки.

И вы понимаете, да?.. Это ведь ерунда. Все по-настоящему трудное у моих бабушек было еще впереди.

Тридцать девятый год, например. Одного деда арестовали и посадили. В обвинении было сказано, что дед собирался удрать за границу и для этого рыл подкоп из Клина, где он тогда работал на железнодорожной станции, в панскую Польшу. Побег удалось предотвратить, деда судили и почему-то на процесс пустили бабушку, уж не знаю почему. Приговор был вынесен 31 декабря — лагерь, не расстрел. Деда увели в наручниках.

Бабушка вышла из зала суда, очень собранная и сосредоточенная. Не знаю, что было у нее в тот момент в голове и в душе, но она пошла и купила новогоднюю елку. Она была твердо убеждена, что у ее детей, моих папы и тети, должен быть праздник Новый год, и точка.

Вторая моя бабушка вместе с дедом в этом же году убежали из Сталиногорска, где дед служил инженером. Начались аресты, и ему кто-то шепнул, что сегодня ночью за ним придут — предупредили. Бабушка с дедом в этот день вместе ушли с работы под ручку, как уходили всегда, но не домой, а на станцию, дождались электрички

и уехали в Москву к прабабушке. В чем были, в том и уехали — летних одеждах, сандалиях, — бросив квартиру, добро, денежки, в общем, всю жизнь. Бабушке было двадцать два, а деду двадцать семь. Мамы моей у них еще не было тогда.

Да. А потом война!.. Близкие бомбежки, эвакуация, теплушки, крошечные дети, «рабочие карточки», «литерные карточки», «все для фронта, все для победы».

Оборотистой и ловкой бабушке — это уж ей было лет двадцать шесть! — удалось выменять на пальто целую наволочку сахара. Она кое-как притащила ее домой, плюхнула на стол, и вот это был праздник, скажу я вам!.. Вот это было событие!.. Вы понимаете? Можно было положить в стакан кипятку сколько угодно сахара, хоть пять ложек. Хоть семь. А в наволочке не убывало! А дед, который никогда-никогда ничего не умел добыть, добыл корыто!.. Какие-то ушлые артельщики привезли целую подводу, молниеносно распродали и исчезли. За корыта дрались, отнимали друг у друга, женщины голосили, мужики матерились, но деду как-то удалось ухватить и остаться целым. В корыте можно было стирать, а можно было мыться, что угодно можно было делать с этим корытом, это же почти что райская жизнь!..

Другая моя бабушка в этой же самой эвакуации, только в другом конце страны, в это время вытапливала сахар из свеклы — ставила в печку чугунок, свекла «подтаивала», и то, что из нее вытекало, можно было есть. Вкусно, сладко!..

Да. А впереди еще был сорок шестой год, самый голодный и страшный, а потом возвращение в Москву, оказалось, что некуда возвращаться, потому что довоенные квартиры заняты, и бороться бессмысленно, и жаловаться некому.

Впрочем, в том «моем возрасте» бабушки этого своего будущего еще, конечно, не знали. По их мнению, украшательство шарфиком или любимым другим предметом туалета, как и мысли о кавалерах и дискотеках, было делом мелким, недостойным и пошлым. И страхи мои — я всегда боялась контрольной по химии, двойки по английскому, попасть впросак — тоже казались им идиотскими.

Да.

Впереди маячит новая творческая встреча, и я прикидываю, о чем буду говорить, пишу заранее план, и этот план никуда не годится — неинтересно, скучно. И я переписываю план, и этот новый не годится тоже, и примерно дня за три я начинаю бояться и изводить близких подступающей истерикой. Хорошо вам говорить — это твоя работа! Вот попробуйте сами, сделайте эту мою работу, и вы увидите, как это все трудно и страшно.

И я уже почти готова рыдать и убиваться над своей тяжелой долей, но тут вдруг откуда ни возьмись появляются бабушки, которых давно нет, конечно. Бабушки и их трудности и страхи, с которыми они прожили свою единственную жизнь — никто ведь пока точно не знает, есть ли еще один шанс!

Они прожили, как могли, и, между прочим, обе были уверены, что жизнь их сложилась просто отлично и была к ним милостива.

...Нельзя распускаться, вот что. А я то и дело позволяю себе... распускаться!.. Мне ничего этого не нужно делать — ни биться в очередях за ке-

росин, ни воровать стекло, зная, что, если поймают, посадят. Не нужно собирать на станции уголь, а потом везти его на саночках домой, чтобы как-нибудь обогреться.

Мне не нужно бороться так, как боролись мои бабушки, и вот самое потрясающее! Боролись они не во времена Юлия Цезаря, а, считай, позавчера, но мы так распустились, что об этом позабыли и самодовольно утопаем в самодовольной жалости к себе и самодовольных сетованиях на судьбину!

...Если я на сцене навернусь на каблуках, значит, поднимусь, извинюсь за неловкость и продолжу. Общение с людьми — моя работа, и это превосходная работа!.. А если потеряю очки, значит, обойдусь как-нибудь без очков. Какая разница?!